

Ана Фликкер

ОЗЕРО ЗАБЫТЫХ ДЕВ

Некоторые секреты не тонут. Они ждут на дне.

18+

Ана Фликкер

Озеро Забытых дев

«Автор»

2026

Фликкер А.

Озеро Забытых дев / А. Фликкер — «Автор», 2026

Четыре подруги — Алина, Кира, Соня и Яна — приезжают на отдаленный лесной хутор, чтобы беззаботно провести выходные и отпраздновать Купальскую ночь. Их план прост: старый уютный дом, вино, венки из полевых цветов и живописная природа. Но идеальный отдых с первых минут омрачается гнетущей атмосферой места. Озеро у дома пугает своей бездонной торфяной чернотой, абсолютной неподвижностью и обжигающим ледяным холодом. Вокруг нет ни птичьих голосов, ни всплесков рыб — водоем кажется застывшим, затаившимся зверем. А прошлое, которое они так отчаянно пытались оставить позади, начинает проступать сквозь черную гладь. То, что задумывалось как веселая вечеринка, превращается в парализующий кошмар, когда пучины озера пробуждаются. Когда древние поверья оживают, а бравада оборачивается первобытным ужасом, девушкам предстоит столкнуться со своими страхами. Смогут ли они пережить эту бесконечную ночь и доказать, что прошлое не имеет над ними власти, или темная вода заберет новых жертв?

© Фликкер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ана Фликкер

Озеро Забытых дев

Пролог

Зной давил на плечи тяжелой, раскаленной плитой. В июле четырнадцатого года лето выдалось бешеное, злое — трава выгорела еще к середине июня, превратившись в ломкую сухую солому, а земля на старом карьере потрескалась глубокими, неровными морщинами. Воздух застыл. Он пах сухой глиной, ржавым железом и застоявшейся, гниющей у берегов водой. Сухой, удушливый блеск солнца слепил глаза, выжигал краски, оставляя только грязно-желтый цвет обрывистых склонов и тяжелую зелень глубокой воды.

Их было пятеро. Девчонки из одного двора, тринадцатилетние подростки, застрявшие в том странном и опасном возрасте, когда детская обидчивость уже смешивается со взрослой, осознанной жестокостью. Сюда, на дальний заброшенный карьер за поселком, ходить запрещалось строго-настрою. Родители пугали их утопленниками, водоворотами, какими-то мифическими беглыми зеками, но запреты только подливали масла в огонь. Карьер казался их личным королевством, скрытым от чужих глаз за глухой стеной колючего кустарника и молодых сосен.

Алина стояла у самого края глиняного уступа, заложив руки за спину. Короткие шорты, майка на лямках, волосы стянуты в тугую, высокий хвост. В ее фигуре уже проглядывала будущая женская уверенность, граничащая с наглостью. Она была негласным лидером их компании. Кого Алина приближала к себе — та купалась в лучах дворовой славы. Кого отвергала — становилась изгоем.

В тот день изгоем оказалась Лера.

Лера сидела чуть поодаль, на плоском, нагретом солнцем валуне. На ней был простенький ситцевый сарафанчик в мелкий цветочек — нелепый, детский. Она подтягивала колени к подбородку, обхватив их тонкими, покрытыми цыпками руками. Глаза у Леры были красными, припухшими от слез, но в глубине зрачков горело упрямство. Глупая, ничтожная ссора из-за какого-то парня, старшего брата Киры, который улыбнулся Лере, а не Алине, разрослась до масштабов катастрофы.

— Ты думаешь, ты лучше всех? — голос Алины прозвучал негромко, но в абсолютной тишине карьера он резанул слух, как кусок битого стекла. — Думаешь, если у тебя папа на иномарке ездит, тебе все можно? Королева нашлась.

Кира и Соня стояли чуть позади Алины, преданно заглядывая ей в рот. Кира закивала, ее круглое лицо выражало готовность поддержать любую гадость. Соня промолчала, но сделала шаг вперед, обозначая свою принадлежность к «правильной» стороне. Только Яна, самая робкая из них, топталась в паре метров, испуганно перебирая пальцами край своей футболки. Она чувствовала: воздух вокруг них стал слишком густым. Так бывает перед сильной грозой, когда кожа начинает чесаться от невидимого электричества.

— Я ничего такого не думала, — тихо ответила Лера. Голос ее дрожал, но она не отвела взгляд. — И Игорь сам ко мне подошел. Он сказал, что ты... что ты ведешь себя как дура напыщенная. Вот.

Слова упали в сухую траву. Кира охнула, прикрыв рот ладонью. Соня замерла. Яна сделала шаг назад, инстинктивно пытаясь увеличивать расстояние между собой и надвигающейся бедой.

Лицо Алины изменилось мгновенно. Из него ушла всякая девичья миловидность, черты обострились, губы вытянулись в узкую, бледную нитку. В тринадцать лет девочка способна

ненавидеть сильнее, чем взрослый человек, потому что еще не знает границ и не думает о последствиях.

— Повтори, — выдохнула Алина.

— И повторю! — Лера вскочила с камня. Ее сарафанчик колыхался от частого дыхания. — Ты дура. И все тебя боятся просто так. А ты ничтожество. Жаба болотная.

Лера сделала несколько шагов к краю обрыва, туда, где тропинка сужалась, огибая глубоководную промоину. Она хотела пройти мимо них, уйти домой, хлопнуть дверью своего детского мира и больше никогда не возвращаться на этот проклятый карьер. Но Алина перегородила дорогу.

— Пропусти, — Лера попыталась толкнуть ее плечом.

— Никуда ты не пойдешь, пока не извинишься, — Алина схватила ее за руку. Тонкие девичьи пальцы впились в кожу Леры, оставляя белые следы.

Началась возня — нелепая, хаотичная, какая бывает только у девчонок, не умеющих драться. Они хватили друг друга за волосы, за одежду, тяжело и со свистом дышали. Кира что-то кричала, подзадоривая Алину. Соня сделала робкую попытку растащить их, но Алина резко оттолкнула ее локтем.

— Отвали! Она сейчас у меня землю жрать будет!

Лера отчаянно вырывалась. Она была слабее, тоньше, но ярость придавала ей сил. Ей удалось больно укунить Алину за запястье. Та вскрикнула от боли, лицо ее перекошилось от бешеной, неконтролируемой злобы. Вложив во вторую руку всю свою силу, весь свой вес, Алина нанесла короткий, яростный удар ладонью в грудь Леры.

Это не был толчок с целью убить. Это была просто попытка отшвырнуть от себя взбунтовавшуюся игрушку.

Но ноги Леры стояли на самом краю уступа. Под ее старыми сандалиями была не твердая почва, а сухая, крошащаяся глина. Глиняный козырек хрустнул. Раздался короткий, сухой шорох осыпающейся земли.

Лера не закричала. Она только широко раскрыла глаза, в которых мгновенно вспыхнул первобытный ужас. Ее руки взмахнули в воздухе, пытаясь ухватиться хоть за что-то — за воздух, за ветку дикой полыни, за край майки Алины. Пальцы скользнули по пустоте.

Она полетела вниз спиной.

Падение длилось секунду. Высота обрыва составляла метра четыре, не больше. Но внизу не было пологого берега. Там сразу начиналась глубина — темная, бездонная воронка карьера, уходящая вниз на глубину трехэтажного дома. Старые затопленные экскаваторы, ржавая арматура, переплетения коряг — все это покоилось на дне, скрытое от солнца вечной ледяной мглой.

Тяжелый, глухой всплеск разорвал тишину. Вода выплеснулась на глиняный склон, оставив на нем темные, быстро впитывающиеся пятна.

Четыре девочки замерли на обрыве, превратившись в соляные столпы. Жара по-прежнему давила на них, солнце слепило, но им вдруг стало невыносимо, до зубовного стука холодно.

— Лера... — хрипло, едва слышно выдавила Яна. Она подползла к краю на коленях, не обращая внимания на то, как острые камни режут кожу.

Вода внизу бурлила. На поверхность поднялась цепочка крупных, маслянистых пузырей. Через несколько секунд из глубины показалась голова Леры. Сарафан облепил ее тело, длинные русые волосы закрыли лицо, похожие на мокрые водоросли. Она судорожно ловила ртом воздух, давилась, кашляла, выплевывая зеленоватую жижу.

— Помогите... — донеслось снизу. Голос Леры был слабым, в нем не осталось прежнего упрямства, только смертельный ужас. — Я не могу... Нога... Зацепилась... Помогите!

Она не умела хорошо плавать — так, держалась на воде по-собачьи несколько минут. А сейчас тяжелая, намокшая ткань сарафана облепила ноги, сковывая движения. К тому же под водой ее явно удерживало что-то еще. Там, в глубине, покоились остатки старой железной сетки, которой когда-то укрепляли склоны.

— Алина, сделай что-нибудь! — Соня закричала, срываясь на визг. — Она утонет! Давай палку, ремень, что угодно!

Кира заметалась по берегу, выискивая глазами длинную сухую ветку, но вокруг росли только низкие, искривленные кусты. Яна уже была готова соскользнуть вниз по склону, чтобы протянуть Лере руку, но Алина резко схватила ее за шиворот и дернула назад, на твердую землю.

— Стоять! — гаркнула Алина. Ее голос изменился. Он стал взрослым, жестким, страшным. — Куда ты лезешь? Она и тебя утянет!

— Ей надо помочь! — плакала Яна, пытаясь вырваться. — Она же умрет!

— Заткнись!

Лера показалась над водой еще раз. Всего на мгновение. Ее лицо было бледным, как кусок мыла, губы посинели. Она посмотрела вверх, прямо на Алину. В этом взгляде не было обиды — только немой вопрос и дикая, нечеловеческая мольба. Вода залилась ей в открытый рот. Лера дернулась, выгнулась всем телом и ушла под воду.

Пузыри шли еще около минуты. Потом все прекратилось.

Вода над местом падения разгладилась, вернула себе прежний вид — черный, глянцевый, непроницаемый. Зеркало карьера снова стало идеальным. Солнечные блики заплесали на его поверхности, как ни в чем не бывало.

Минута тянулась как вечность. Девчонки стояли, боясь вздохнуть. Они ждали, что сейчас Лера вынырнет, рассмеется, скажет, что пошутила. Но никто не появлялся. Озеро молчало. Лес вокруг молчал. Мир вокруг них не рухнул, небо не раскололось от ужаса. Все оставалось прежним — солнце, зной, пыль. И это было самым страшным.

Первой очнулась Алина. Она тяжело дышала, на лбу выступили крупные капли пота. Она посмотрела на свои ладони — те самые, которыми минуту назад толкнула подругу. Руки дрожали.

— Все, — сказала она тихо. — Ее нет.

— Как это — нет? — Кира осела на землю, лицо ее сделалось серым, как пепел. — Надо звать кого-то. МЧС, полицию... Родителей Леры...

— Дура! — Алина подскочила к ней и с силой встряхнула за плечи. — Какую полицию? Нас посадят! Меня посадят! А вы пойдете как соучастницы. Вы все стояли и смотрели. Вы думаете, нам поверят, что это вышло случайно? Нас закроют в колонию для малолеток. Вы этого хотите? Вы хотите себе жизнь сломать из-за этой... из-за нее?

Девочки молчали. Страх перед тюрьмой, перед позором, перед родительским гневом в этот момент оказался сильнее, чем скорбь по погибшей подруге. Страх парализовал их способность мыслить здраво. Они были всего лишь детьми, совершившими непоправимое.

— Никто ничего не видел, — Алина обвела их тяжелым, давящим взглядом. — Мы сюда не приходили. Мы расстались у перекрестка возле магазина в двенадцать часов. Лера сказала, что пойдет домой, потому что у нее голова заболела. Все поняли?

— А если... если тело найдут? — прошептала Соня, вытирая слезы грязными кулаками.

— Здесь глубина двадцать метров, — отрезала Алина. — Там дно завалено хламом. Ее никогда не найдут. Главное — молчать. Всем. Всегда.

Она наклонилась, подняла с земли острый, обломанный кусок гранитного камня. Его край был режущим, как бритва. Алина без колебаний полоснула им по своей левой ладони. Темная, густая кровь мгновенно выступила из пореза, закапала на сухую глину.

— Идите сюда, — приказала Алина. — Будем клясться. Если кто-то проболтается — сдохнет так же, как она. Вода заберет.

Они подходили по очереди, подчиняясь ее страшной, ломающей воле. Кира, Соня, последней — трясущаяся, бледная Яна. Алина делала быстрый, болезненный надрез на их ладонях. Потом они соединили руки в один общий, липкий, горячий узел. Кровь смешивалась с пылью и потом, засыхая черной коркой. Они присягнули на верность своему общему кошмару.

Они уходили с карьера порознь, краем леса, стараясь не попадаться никому на глаза.

Вечером поселок взорвался. Мать Леры бегала по улицам, кричала, звала дочь. Приехала полиция, собрались местные жители, прочесывали перелески и заброшенные дачи. Алину, Киру, Соню и Яну опрашивали следователи. Они говорили четко, как по писаному: «Расстались в двенадцать у магазина. Лера пошла домой». Девчонки держались стойко, страх сцементировал их ложь, сделал ее непробиваемой.

На карьере тоже искали. Водолазы спускались дважды, но дно было слишком опасным, заваленным старой техникой и корягами, видимость — нулевая. Поиски ни к чему не привели. Через месяц дело замяли, списав все на несчастный случай или побег из дома — мало ли подростков убегает летом в большие города?

Постепенно жизнь вернулась в прежнее русло. Подруги окончили школу, разъехались по разным городам, поступили в институты. Они почти не общались — общее прошлое жгло им души, и они старались держаться друг от друга подальше, чтобы не вспоминать тот жаркий июльский полдень.

Глава 1

Кондиционер в салоне серебристого «Хендай» работал на максимуме, но прохлада оставалась зыбкой, искусственной. Стоило опустить стекло на пару сантиметров, чтобы выбросить фантик, как внутрь мгновенно прорывался плотный, удушливый июльский зной. За окном тянулась однообразная стена смешанного леса. Трава на обочинах давно выгорела, превратившись в жесткую сухую солому, а над разогретым асфальтом дрожало прозрачное марево.

Кира уверенно держала руль обеими руками. Ее короткие, аккуратно подстриженные ногти без лака ритмично постукивали по кожаной оплетке в такт игравшей тихой музыке.

На переднем пассажирском сиденье хозяйничала Алина. Она то и дело переключала треки в магнитоле, выискивая что-то пободрее, и громко подпевала очередному поп-хиту. На ней были дорогие солнцезащитные очки и безупречный белый топ, выгодно подчеркивающий загар. Алина выглядела как человек, у которого в жизни все сложилось идеально.

— Девчонки, ну вы чего приуныли? — Алина обернулась назад, ослепив подруг улыбкой. — Мы всего три часа в пути, едем отрываться, а лица такие, будто нас везут на принудительные работы. Соня, оторвись от экрана, заработаешь косоглазие.

Соня, сидевшая справа, недовольно поморщилась, но айфон отложила. Она поправила длинные, явно наращенные локоны пшеничного цвета и внимательно осмотрела свой безупречный неоновро-розовый маникюр.

— Я проверяю геолокацию, — капризным тоном ответила она. — Между прочим, здесь до сих пор ловит четыре джи. Полная шкала. Я думала, в такой глуши мы вообще останемся без связи. Кира, твой навигатор точно показывает правильный путь? Нам еще долго трястись?

— Десять километров по прямой, потом съезд к озеру, — отозвалась Кира, не отводя взгляда от дороги. — Навигатор пишет — пятнадцать минут. Черные Лозы — место уединенное, но цивилизованное. Мой дед там жил до позапрошлого года, пока здоровье не пошатнулось. Дом крепкий, колодец в порядке, баня на участке имеется. Я парню из соседней деревни заплатила, он там к нашему приезду всё прибрал, скосил траву на поляне и дров подготовил. Так что отдых будет с комфортом, не переживай.

Слева от Сони, вжавшись в самый угол и глядя в окно, сидела Яна. Она сжала ладони в замок на коленях и смотрела на мелькающие деревья. На фоне ухоженных, ярких подруг Яна казалась невидимкой: растянута серая футболка, потертые джинсы, волосы собраны в небрежный пучок обыкновенной канцелярской резинкой. Она не участвовала в разговоре с самого начала поездки, и Алина периодически бросала на нее раздраженные взгляды через зеркало заднего вида.

Машина мягко преодолевала дорожные неровности. Громкая музыка успешно глушила ту подсознательную тревогу, которая тяжелым осадком лежала на дне души каждой из них. Они ехали праздновать Купальскую ночь. Вместе. Впервые за десять долгих лет.

Идея этой поездки возникла три месяца назад, в дождливом апреле. Возникла спонтанно и поначалу казалась совершенно дикой.

После того страшного летнего дня на карьере их детская дружба рассыпалась в прах. Они не сговаривались, не устраивали громких ссор со сжиганием мостов. Просто внутри каждой поселился липкий, гноящийся страх, а лица подруг стали невыносимым напоминанием о совершенном грехе. Едва дождавшись окончания школы, они бросились врассыпную, стараясь вычеркнуть родной поселок из памяти.

Алина уехала покорять Москву. Она окончила престижный экономический вуз, устроилась в крупное маркетинговое агентство и быстро обросла нужными связями. Она выковала из себя жесткую, циничную карьеристку, которая никогда не смотрела назад.

Кира осталась в областном центре, занялась недвижимостью. Она удачно перепродавала квартиры, обзавелась собственной машиной и квартирой в новостройке.

Соня перебралась в Санкт-Петербург. Она пыталась вести бьюти-блог, жила за счет состоятельных мужчин и тратила кучу времени на создание иллюзии роскошной жизни в социальных сетях.

Яна оказалась самой незаметной. После скромного регионального колледжа она вернулась в их родной поселок, устроилась архивариусом в местную администрацию и жила тише воды, ниже травы, ухаживая за больной матерью.

Только Соня с Кирой продолжали дружить. Конечно, они виделись крайне редко, так как жили в разных городах, но активно поддерживали связь между собой в интернете, а также изредка перекидывались несколькими словами с Алиной. А вот Яна практически полностью прекратила с ними общение, и даже удивительно было то, что в этот раз она всё-таки решила поехать.

События начали закручиваться, когда в общем чате мессенджера, который не обновлялся со времен выпускного класса, появилось сообщение от Киры.

«Девчонки, привет. Нам в этом году исполняется по двадцать три. Уже десять лет прошло... Ну, вы сами понимаете. Я подумала, сколько можно бегать друг от друга? Мы связаны одной веревочкой, хотим мы этого или нет. Давайте встретимся. У меня есть идеальное место — дедовский хутор Черные Лозы. Там никого нет вокруг, озеро, чистый воздух. Отпразднуем Купалу, погадаем, отдохнем, снимем это дурацкое многолетнее напряжение. Пора отпустить прошлое».

Первой ответила Алина. Ее сообщение было коротким и емким:

«Я в деле. Пора закрыть этот геистальт».

На самом деле Алина смертельно устала бояться. Ночные кошмары, в которых к ее кровати подходила мокрая девочка в ситцевом сарафане в мелкий цветок, замучили ее до предела. Ей казалось, что если они соберутся вместе, посмотрят друг другу в глаза и увидят, что все они — нормальные, живые взрослые люди, то детские страхи окончательно рассеются. Озеро далеко, Лера глубоко, жизнь продолжается.

Соня согласилась из чистого прагматизма. Накануне отъезда она опять серьезно поругалась со своим женихом Максимом. Она всё ещё очень надеялась затащить его в ЗАГС и построить идеальную семейную жизнь, а эта поездка казалась отличным способом заставить его поскучать, понервничать и обдумать своё поведение. К тому же свободными деньгами она сейчас не располагала, а тут подворачивался бесплатный отдых в живописном уединенном месте. Там можно было сделать сотни атмосферных фотографий в неофолк-стиле для своего блога. Подписчики обожали тему древних славянских обрядов, костров и мистики.

Труднее всего оказалось с Яной. Она прочитала сообщения, но ничего не ответила. Тогда Алина позвонила ей лично. Разговор получился тяжелым. Яна плакала, умоляла оставить ее в покое, говорила, что не сможет притвориться, будто ничего не произошло.

Но Алина умела давить на слабые места. Она жестко напомнила Яне про клятву на крови. Напомнила, что молчание — это их общий контракт, и если одна из деталей механизма начнет сбоить, развалится вся конструкция, похоронив под обломками всех четверых. Яна испугалась, сломалась и согласилась.

И вот теперь они сидели в одном автомобиле, разрезая колесами душный июльский день. — Кира, притормози у того магазина! — Соня ткнула пальцем в лобовое стекло.

На обочине, у самого поворота на грунтовую дорогу, стоял покосившийся кирпичный павильон с блеклой вывеской «Продукты». Рядом с входом на деревянном ящике сидела дряхлая старуха в теплом платке, несмотря на тридцатиградусную жару. Перед ней стояло ржавое ведро с охапками полыни и какими-то мелкими полевыми цветами.

— Зачем тебе? У нас полный багажник еды и алкоголя, — буркнула Кира, притормаживая у обочины. — Да и на участке в Черных Лозах и вокруг озера травы полным-полно, хоть на десять венков хватит.

— Мне нужны *правильные* травы! — Соня уже отстегивала ремень безопасности. — Какой праздник Купалы без обрядов? Там вокруг озера растет обычная сорная трава, а здесь у бабули полынь, зверобой, Иван-да-Марья. Их нужно обязательно добавить в венки, каждой из нас, если мы хотим сделать всё по правилам и традициям. Какой праздник Купалы без обрядов? Мы же договаривались. Будем плести венки, пускать по воде со свечами. Это отличный контент.

— Контент, — передразнила Алина, но тоже вышла из машины, чтобы размять затекшие ноги. — Ладно, давайте купим у бабули этот веник, спонсируем местную экономику.

Яна осталась в салоне. Она проводила подруг взглядом и поплотнее прикрыла за ними тяжелую дверь. Внутри машины сразу стало тихо, только мерно шуршал кондиционер, выдувая струйки холодного воздуха. Ей было душно от нехороших предчувствий. Каждым нервом своего тела она чувствовала: эта поездка — огромная, непоправимая ошибка. Но повернуть назад уже невозможно.

Возле магазина Соня повсю общалась со старухой.

— Бабушка, а это полынь? А зверобой есть? Нам для венков нужно, купальская ночь ведь сегодня!

Старуха медленно подняла голову. Ее лицо, покрытое густой сетью глубоких, грязноватых морщин, напоминало печеную картошку. Выцветшие, почти белые глаза остановились на Соне, затем перевелись на подошедшую Алину.

— На Купалу-то? — скрипучим, надтреснутым голосом переспросила она. — К озеру, значит, намылились? В Черные Лозы?

— А вы откуда знаете? — удивилась Кира, забирая из ведра охапку пахучих, горько пахнущих стеблей.

— Так туда дорога одна, — старуха указала сухой, узловатой рукой в сторону лесной просеки. — Не ходили бы вы туда, девки. Нехорошее это время. Озеро в эту ночь не спит. Оно проснулось уже, ждет. Чужих оно не любит. А тех, у кого совесть нечиста, и подавно утянет. Обратно никто не возвращался, кто его в эту ночь разбудил.

Алина брезгливо поморщилась и дернула плечом.

— Ой, бабуля, избавьте нас от этих деревенских страшилок. Мы городские, в русалок и водяных не верим. Сколько с нас за траву?

Она бросила на деревянный ящик крупную купюру, не дожидаясь сдачи, и резко развернулась к машине. Кира и Соня поспешили за ней. Соня бережно прижимала к груди охапку диких трав, от которых по всему салону тут же разнесся резкий, одуряющий запах полыни.

— Ну и бабка, жуть какая, — хихикнула Соня, усаживаясь на заднее сиденье. — Прямо персонаж из дешевого хоррора. «Оно проснулось, оно ждет...» Ролик с этой озвучкой залетит в топ, точно вам говорю.

— Хватит болтать, поехали, — оборвала ее Алина. Ее лицо на секунду стало жестким, из глаз исчезло напускное веселье. Слова старухи задели какую-то болезненную струну в ее памяти, заставив сердце сделать тяжелый, неровный толчок.

Кира включила передачу, и «Хендай» съехал с асфальта на проселочную дорогу.

Грунтовка оказалась вполне приличной. Машину почти не трясло, колеса глухо шуршали по плотно утрамбованному песку, перемешанному с сухой хвоей. Навигатор на приборной панели исправно вел стрелку вперед, до цели оставалось всего пять километров. Экран мобильного телефона Сони по-прежнему показывал уверенный прием связи, все палочки были на месте. Все шло на удивление гладко. Атмосфера глухой изоляции, которой они подозна-

тельно опасались, не наступала — цивилизация держала их за руку через спутники и вышки сотовой связи.

Лес вокруг становился все гуще, темнее. Деревья подступали к самой кромке дороги, смыкая кроны высоко над крышей машины. Солнечные лучи пробивались сквозь листву золотыми столбами, подсвечивая кружащуюся в воздухе мелкую пыль. Это было красиво, умиротворяюще.

Вскоре деревья расступились, открывая крутой спуск к речной долине. Дорогу преграждала неширокая речка, зажатая между обрывистыми глиняными берегами. Сейчас, в разгар июльской жары, она выглядела совсем безобидной переплюйкой — спокойная, мелкая вода едва скрывала песчаное дно.

Через русло был перекинут старый деревянный мост. Его толстые бревенчатые опоры, потемневшие от времени и сырости, глубоко уходили в дно. Ржавые металлические скобы намертво скрепляли тяжелые балки, а по бокам тянулись простые деревянные перила.

Кира сбросила скорость. Колеса «Хендай» медленно въехали на настил. Толстые доски под весом машины отозвались глухим, протяжным скрипом, эхом разнесшимся над тихой водой.

— Он нас точно выдержит? — с опаской спросила Соня, глядя в окно на глинистый обрыв внизу.

— Не дрейфь, — Кира аккуратно направляла машину строго по центру. — Он только выглядит хлипким. Дед по нему на груженом УАЗике ездил, опоры тут дубовые, на века ставили.

Машина перекатилась на другой берег, и стон досок стих. Мост остался позади, словно невидимый рубеж, отрезавший их от остального мира, а грунтовка снова нырнула под своды вековых сосен.

— Слушайте, а ведь хорошо, что мы выбрались, — негромко сказала Кира, глядя в зеркало заднего вида на притихшую Яну. — Посмотрите вокруг. Воздух какой! В городе дышать нечем от асфальта и гари, а тут... Свобода.

— Да, места тут роскошные, инстаграмные, — согласилась Соня, уже делая первое видео на фоне лесного пейзажа. — Яна, ну ты чего как на поминках сидишь? Улыбнись хоть. Мы же отдыхать приехали. Все старое прошло, забудь. Мы молодые, успешные, у нас вся жизнь впереди.

Яна через силу выдавила подобие улыбки.

— Да, все нормально. Просто голова немного разболелась от дороги.

— Сейчас приедем, пустим в ход холодное шампанское, и все как рукой снимет, — пообещала Алина. Она снова расслабилась, вернув себе привычную роль лидера. — У нас грандиозный план на вечер. Сначала обустроиваемся, потом жарим мясо, а как стемнеет — идем к воде. Кира, кострище на берегу нормальное?

— Отличное, дед всегда там рыбу коптил. Прямо у мостков. Там поляна чистая, трава скошена... должна быть. Место уединенное, девчонки. Вам понравится.

Машина преодолела небольшой затяжной подъем, и лес впереди внезапно расступился, открывая простор. Навигатор коротко пискнул, оповещая о прибытии в конечную точку, и замолк.

Перед ними открылась широкая круглая поляна, полого спускающаяся к воде. В самом центре стоял добротный бревенчатый дом под шиферной крышей, окруженный невысоким палисадником. Окна дома были закрыты деревянными ставнями, отчего он казался заброшенным, глубоко спящим. Чуть в стороне виднелась небольшая банька и колодезный сруб.

Но главным здесь было озеро.

Оно раскинулось огромным, идеальным кругом, зажатое со всех сторон плотным кольцом черного векового бора. Вода в нем была странного, густого темного цвета. На ее поверхно-

сти не было ни единой морщинки, ни одного всплеска рыбы. Озеро выглядело как гигантский кусок отполированного обсидиана, в котором неподвижно отражалось пронзительно-синее июльское небо и застывшие верхушки сосен.

Кира повернула ключ в замке зажигания. Мотор заглох. Музыка в салоне мгновенно погасла.

На девчонок обрушилась плотная, абсолютная тишина. Не было слышно ни шума далеких трасс, ни лая собак из соседних деревень, ни крика птиц. Только тяжелый, горячий лесной воздух неподвижно стоял над поляной, пахнувший смолой, сухой травой и едва уловимой болотной гнилью.

— Ну вот мы и на месте, — выдохнула Алина, открывая тяжелую дверцу машины.

Она первой ступила на мягкую, примятую колесами траву хутора Черные Лозы. Настроение у всех, кроме Яны, снова поползло вверх. Впереди их ждали длинные, теплые летние выходные, полные веселья, девичьих разговоров и старинной магии Купальской ночи. Ловушка захлопнулась так мягко и незаметно, что ни одна из них не почувствовала, как шевельнулась черная вода у самого берега, приветствуя их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.